

УДК 94(100)“05/...”+94(560)+82.091

**ЗАПИСКИ О ЯНЫЧАРАХ: ВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
О ТУРЕЦКОЙ СИСТЕМЕ ДЕВШИРМЕ**

**NOTES ON THE JANISSARIES: BYZANTINE WRITERS
ABOUT THE TURKISH DEVSHIRME SYSTEM**

**Н.Э. Жигалова
N.E. Zhigalova**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620000 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

The Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin,
4 Turgeneva St., Ekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: nezhigalova@gmail.com

Аннотация

Исследование посвящено анализу свидетельств византийских писателей о янычарах и турецкой системе девширме в XV в. Девширме представляла собой специфическую систему налогообложения, по условиям которой мальчики из христианских семей должны были проходить специальную подготовку для последующей службы при дворе османского султана или в янычарском корпусе. По материалам сочинений Дуки, Михаила Критовула, Лаоника Халкокондила и Параспондила Зотикоса предпринимается попытка показать, как греки воспринимали турецкую практику девширме, что они знали о янычарском корпусе и как оценивали роль янычар в придворных и военных структурах Османского государства. Автор приходит к выводу, что янычары были не только мощной военной силой, но и инструментом во внутрдинастических распрях, а также являлись надежным оплотом власти османских султанов.

Abstract

The research is devoted to the analysis of the evidences of Byzantine writers about the Janissaries and the Turkish devshirme system in the XV century. Devshirme was a specific system of taxation, under the conditions of which boys from Christian families had to undergo special training for subsequent service at the court of the Ottoman Sultan or in the Janissary corps. Based on the works of Doukas, Michael Kritoboulos, Laonikos Chalkokondyles and Paraspondylos Zotikos, we try to show how the Greeks perceived the Turkish practice of devshirme, what they knew about the Janissary corps and how they assessed the role of the Janissaries at the court and military structures of the Ottoman state. The author comes to the conclusion that the Janissaries were not only a powerful military force, but also an instrument in the intra-dynastic quarrels, and also a reliable stronghold of the power of the Ottoman sultans. The Janissary army was unique in its kind: it included only boys from Christian families who, from childhood, were brought up according to Muslim customs and served directly to the Ottoman ruler as his personal guard.

Ключевые слова: Византия, византийские писатели, турки-османы, девширме, янычары, Михаил Критовул, Дука, Лаоник Халкокондил.

Keywords: Byzantium, the Byzantine writers, the Ottoman Turks, devshirme, Janissaries, Michael Kritoboulos, Doukas, Laonikos Chalkokondyles.

Девширме [Ménage, 1966, p. 64–78; Palmer, 1953, p. 448–481; Repp, 1968, p. 137–139; Wittek, 1955, p. 271–278], известная также как «кровавая дань» или «налог кровью» – это особая система налогообложения, практикуемая османами с XV в. на завоеванных территориях – преимущественно на Балканах и в Византии. Суть ее заключалась в том, что

крепкие и здоровые мальчики направлялись в Галлиполи, где проходили обучение и последующий отбор для службы при дворе султана или в янычарском корпусе¹.

Вероятно, османы переняли данную практику у сельджуков, которые использовали иноземцев в качестве прислуги или комплектовали из них мелкие вспомогательные военные отряды [Vryonis, 1965, p. 224–252]. Однако янычарское войско было уникальным в своем роде: в него зачислялись только мальчики из христианских семей, которые с детства воспитывались согласно мусульманским обычаям и служили непосредственно османскому правителю в качестве его личной охраны.

Набор христианских детей для службы в султанском войске не носил упорядоченного характера вплоть до середины XV в. Ряд ранних османских историков конца XV – начала XVI вв. (Ашик-паша-заде, Саад-эд-Дин, Идрис Бидлиси и пр.) отмечали, что еще при Орхане I (1326–1359) и Мураде I (1359–1389)² ввиду недостатка воинов в войско султана набирались юноши из числа пленников. Именно из этих отрядов позднее родился янычарский корпус, систематический набор в который стал осуществляться при султанах Мураде II (1421–1444, 1446–1451) [Vryonis, 1956, p. 434].

Отсутствие турецких источников XIV – первой половины XV вв., которые могли бы пролить свет на возникновение янычарского корпуса и системы девширме, ставит перед исследователями ряд проблем, касающихся становления этой практики и особенностей комплектования турецкого войска в ранний период османской истории. Сведения о «кровавой дани», практикуемой турками на покоренных территориях, можно почерпнуть, главным образом из свидетельств латинских и византийских авторов. К сообщениям последних мы и обратимся.

Целью настоящего исследования является анализ свидетельств византийских писателей о янычарах и турецкой системе девширме. Обратившись к сообщениям Дуки, Михаила Критовула, Лаоника Халкокондила и Параспондила Зотикоса, мы постараемся показать, как греки воспринимали турецкую практику девширме, что они знали о янычарском корпусе, и как оценивали роль янычар в придворных и военных структурах Османского государства.

Одним из самых ранних письменных свидетельств существования девширме является гомилия архиепископа Фессалоники Исидора Главы (1380–1396), которая датируется 1395 г. [Dennis, 2003, p. 259; Vryonis, 1956, p. 435] В ней Исидор призывает свою паству стойко переносить тяготы турецкого владычества [Λαοὺρδας, 1953, с. 390] и сокрушается, что ему приходится видеть, как «дитя, <...> против воли попавшее в руки иноземцев, вынуждено приспособляться к чужим обычаям, облачаться в варварское одеяние и стать вместилищем варварской нечестивости и прочей скверны» [Λαοὺρδας, 1953, с. 390]. Пленные мальчики, сокрушается Исидор Глава, «набирались варварской жестокости», были готовы «под покровом ночи убивать своих соотечественников и, <...> что было худшим из всех этих злодеяний, позорно отрекались от Господа и попадали в дьявольские силки, тем самым, веря себя тьме и преисподней» [Λαοὺρδας, 1953, с. 391].

Сообщение архиепископа полностью отражает ту картину, которая описана в более поздних источниках: мальчики, которые потенциально должны были стать янычарами, принимали ислам, приобщались к мусульманским традициям и воспитывались в духе полного подчинения султану. Свидетельство Исидора Главы показывает, что подобная практика широко применялась уже в конце XIV в. и была хорошо известна византийцам. Это подтверждают также данные Иоанна Канана, составившего рассказ об осаде Константинополя в 1422 г. – по словам автора, турки «отнимали мальчиков для обрезания во имя Мухаммеда» [Giovanni Cananos, 1977, p. 54. 38–39], что воспринималось писателем как страшнейшая из бед [Куш, 2015, с. 112–114].

¹ Стоит, однако, учитывать, что по девширме набирались дети, в том числе, из еврейских и цыганских семей, но в янычарском войске служили только христиане [Uyar, 2009, p. 18–19; 37–38].

² Вероятно, султан Мурад I был первым из османских государей, при котором иностранцы не только служили в войске султана (такая практика существовала и раньше), но также получили возможность занимать высокие государственные посты [Babinger, 1978, p. 8].

Византийские источники середины XV в., содержащие упоминания о янычарах (γενίτσαροι) [Moravcsik, 1983, S. 110–111], практически лишены того религиозного пафоса, который характерен для гомилий или других риторических сочинений. По этим свидетельствам можно определить, каков был этнический состав янычарского войска, его численность и отличительные знаки янычар.

Историк Дука сообщает, что, «согласно турецкому закону, пятая часть пленных христиан предназначалась правителю как его часть добычи, и за ним стояло право выбора. Он покупал молодых и сильных пленников по самой низкой цене, и они считались приемными сыновьями султана и его рабами. Правитель именовал их «новые войска», что на их языке означало «янычары» (γενίτζεροί). Обрезав и обратив их в свою нечестивую веру, он назначал их своєю гвардией» [Ducac Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179].

Халкокондил практически не использует именование «янычары», заменяя его на «новобранцы» или «новые войска» (νεήλυδες), хотя, несомненно, имеет в виду именно этот род войск, поскольку это обозначение является точным переводом турецкого *yeniçeri* [Nicoloudis, 1996, p. 169, n. 87]. Наряду с Дукой, автор дает развернутое объяснение, кто такие янычары, и откуда они берутся: «Он (султан – Н.Ж.) берет всех пленных детей, которых поработил, и поручает туркам в Азии, чтобы каждый мог выучить язык. Они два или три года обучаются языку до тех пор, пока не смогут сколько-нибудь говорить на нем, затем он набирает около двух тысяч или более из тех, кого первоначально выбрал. Он везет их всех в Галлиполи и сажает на корабли, чтобы переправить их из Европы в Азию. Каждый получает ежегодно плату и обмундирование. Вскоре после этого они собираются при дворе, и он дает некоторым из них плату, а некоторым и более того» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 378]. Так, не каждый пленный юноша автоматически становился янычаром: комплектование янычарского войска напрямую зависело от благоволения султана и личных качеств молодых людей, из числа которых впоследствии самые способные входили в ближайшую свиту османского государя.

О численности янычарского войска наиболее подробно сообщает именно Халкокондил. Он пишет, что «рядом с султаном находилось шесть тысяч пеших воинов, а порой около десяти тысяч. Из их числа брались [воины] в гарнизоны крепостей, но не в их родных землях» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 376]. По всей видимости, в XV в. еще не сложилась четкая система девширме, и наборы в янычарский корпус осуществлялись от случая к случаю. Так, во время пелопоннесской кампании в 1460 г. Мехмед II после захвата одного из городов пленил около шести тысяч жителей, из которых девятьсот мальчиков должны были стать янычарами [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 336]. В 1461 г., как сообщает автор, жители захваченного Трапезунда были разделены на две категории: одних султан «забрал себе для собственных нужд, а также для утех, других же отправил в Византий (Константинополь – Н.Ж.), а также <...> выбрал восемь сотен мальчиков и определил их в янычарский отряд» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 364].

Данные Дуки совпадают со сведениями Халкокондила: «Эта армия «новых войск», кроме прочего, увеличивается каждый год, и число ее теперь – десять тысяч. Рабы обзаводятся рабами, рабы рабов тоже приобретают рабов, и все они зовутся рабами правителя» [Ducac Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179]. По словам автора, «их отличительная черта – это головной убор, который в просторечии на языке ромеев называется «заркула»¹ (ζαρκόλλας). Все турки обычно покрывают этим голову. Однако и простолюдины, и знатные люди носят красный головной убор, в то время как иноземцы, ставшие жертвой рабского хомута и обозначенные как рабы султана, надевают белую шапочку из белого войлока полукруглой формы, плотно обхватывающую голову и сужающуюся к макушке» [Ducac Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179]. В других рассматриваемых источниках отсутствуют упоминания об отличительных знаках янычар.

¹ Подробнее об этом головном уборе: [Shukurov, 2016, p. 317–318].

Вероятно, Дука был близко знаком с обычаями османов и хорошо знал турецкий язык, поскольку в его сочинении регулярно встречаются турецкие слова и термины, значение и происхождение которых писатель подробно и обстоятельно объясняет [Shukurov, 2016, p. 368]. Несмотря на это, Дука полагает, что азапы¹ (ἀζάπηδες) – это те же самые янычары [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 363], что не совсем верно – азапами называлась османская легкая пехота², в то время как янычары, как правило, были особым подразделением тяжеловооруженных пеших воинов³. Впрочем, такая ошибка вполне объяснима – с одной стороны, писатель мог не знать тонкостей организации османского войска, с другой – вероятно, желал обогатить свое повествование разнообразием необычных для греко– или латиноязычного читателя терминов, коими пестрит весь его труд.

В противоположность Дуке, Параспондил Зотикос, составивший рассказ о битве при Варне 1444 г., однозначно противопоставляет азапов янычарам, сообщая, что «венгры напали на измаильтян (мусульман – *Н.Ж.*) и перебили всех амуратовых азапов» [Παρασπόνδυλος Ζωτικός, 1874, p. 353. 199–201], и что в одном из сражений «все анатолийские войска, пешие азапы и акынджи⁴ были повержены» [Παρασπόνδυλος Ζωτικός, 1874, p. 358. 322–323], в то время как янычары постоянно находились рядом с султаном.

Еще более однозначен в этом вопросе Халкокондил. Отметим, что писатель был великолепно осведомлен об организации турецкого войска [Kaldellis, 2014, p. 147–149], что делает его данные весьма убедительными. Согласно Халкокондилу, во время пелопоннесской кампании Мехмеда II в 1460 г. [Медведев, 1973, с. 39–41] при осаде крепости Гардики султан «атаковал цитадель и сражался на стенах вместе с янычарами, а азапам он приказал атаковать те части города, до которых они смогут добраться» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 324]. Азапы, по его словам, это «турецкая пехота» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 370], которая являлась в данном случае вспомогательным подразделением османского войска, тогда как янычары исполняли роль основной ударной силы. Сообщая об оккупации Трапезунда в том же 1460 г., Халкокондил отмечает, что янычары впоследствии составляли основу гарнизона крепости, в то время как азапы располагались в городе для поддержания внутреннего порядка [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 362].

В свою очередь, историк Критовул вообще не дает какого-либо указания на то, к какому роду войск принадлежали янычары. Элитой османского войска он называет «тяжеловооруженных пехотинцев, лучников, конников, его (султана – *Н.Ж.*) личную охрану, а также, наряду с ними, подразделение, именуемое янычарами» [Critobuli Imbriotae Historiae, 1983. S. 68. 16–18].

Своеобразные янычары существовали и при византийском дворе: термином γιανίτζαροι в XV в. в некоторых византийских текстах обозначалась особая императорская гвардия [Shukurov, 2016, p. 335–336]. Согласно сообщению Сильвестра Сиропула, «янычары» сопровождали Иоанна VIII Палеолога во время поездки на Ферраро-Флорентийский собор в 1438–1439 гг. в числе около двадцати человек. По данным Сиропула, воины находились в бедственном положении, были вынуждены продавать свое оружие, закладывать одежду, «оплакивая свою крайнюю нужду» [Сильвестр Сиропул, 2010, с. 220–221]. Вероятно, эти янычары не были сколько-нибудь значимым элементом в византийских военных или придворных структурах. Патриарх Иосиф II, по словам Сиропула, не считал необходимым присутствие янычар в императорской свите [Сильвестр Сиропул, 2010, с. 79], что также указывает на их второстепенную роль [Zachariadu, 1982, p. 591–592].

¹ Об использовании термина ἀζάπηδες в византийских и турецких источниках см.: [Moravcsik, 1983, S. 56].

² Азапы, как и акынджи, набирались из числа тюркских народов и должны были самостоятельно обеспечить себя вооружением и обмундированием на время ведения военных действий [Uyar, Erickson, 2009, p. 20–21].

³ Точное указание на это встречается в труде Халкокондила [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 428].

⁴ Иррегулярная турецкая легкая конница, набираемая только из числа турок для участия в военных кампаниях за пределами Османского государства. См.: Akindji [The Encyclopedia of Islam, 1986, vol. 1, p. 340].

Однако определить точно, по какой причине императорские гвардейцы названы тем же словом, что и «новые войска» турецких султанов, не представляется возможным¹. Тем не менее, очевидно, что между этими военными формированиями было мало общего.

В отношении же «традиционных» турецких янычар, напротив, можно отметить, что янычарский корпус представлял собой не только военную силу, но и инструмент внутридинастической борьбы. После смерти султана Мехмеда I в 1421 г. между представителями османской династии – сыном покойного султана Мурадом и его дядей Мустафой – разгорелась борьба за трон. Византийский василевс Иоанн VIII Палеолог, будучи соправителем своего отца императора Мануила II, вопреки советам последнего, поддержал Мустафу². Мануил, по словам Халкокондила, считал, что необходимо выбирать сторону исходя из того, кто из претендентов получит в свои руки «контроль над казной и янычарами» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 368]. Очевидно, василевс справедливо полагал, что янычары были опорой власти турецких султанов, и порой именно от них зависело, кто станет следующим правителем Османского государства. В данном случае такой расчет себя бы оправдал: Мурад, «имея в своем распоряжении янычар, которые сопровождали султана во всех его кампаниях» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 376], одерживал победу за победой, в результате чего Мустафа, лишившись поддержки своих войск, вскоре был убит [Куш, 2015, с. 106; Inalcik, 1973, p. 19].

Халкокондил подчеркивает, что Мурад II, передав трон своему сыну Мехмеду II, «вверил ему царство, двор и янычар» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 120], которые, по всей вероятности, воспринимались автором как оплот султанской власти. Это подтверждает и кризис, разразившийся в Османском государстве после смерти Мурада в 1451 г.: часть янычар восстала против молодого султана, что поставило под угрозу его вступление на престол [Babinger, 1978, p. 64–65].

Автор указывает на прямую зависимость успеха военных операций султана от участия в них янычар. Так, в 1456 г. во время венгерской кампании Мехмеда II отсутствие янычар в одном из сражений едва не стоило султану жизни. Халкокондил передает гневные слова Мехмеда, который после этих событий обратился к предводителю янычар Хасану: «Ты, злой человек, куда же подевались наши янычары? Почему их не было вместе с тобой в битве? Или ты забыл, кем ты был до того, как я назначил тебя на столь высокий пост?» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 238].

Действительно, вопрос этнического и социального происхождения янычар – ключевой для понимания специфики комплектования этого военного подразделения. Византийские авторы единодушны во мнении, что янычарами могли быть только захваченные в плен христиане, обращенные впоследствии в ислам. Так, у Параспондила фигурирует янычар «роду ромейского» [Παρασπόνδυλος Ζωτικός, 1874, p. 362. 405] Хамуза, у Халкокондила – серб Хизир [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 110], албанец Озгур, греки Сараджа [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 100], Мурад и Мехмед [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 262]. Примечательно, что имена всех названных янычар – мусульманские, хотя смена имени не является обязательным условием при обращении в ислам.

По сообщению Дуки, «в их числе не могут быть ни турки, ни арабы – все они без исключения были христианами: ромеи, сербы, албанцы, болгары, валахи и венгры, которые отреклись от своей веры и теперь наслаждаются имеющимися благами, словно свиньи, смакующие траву; словно бешеные псы, испытывают они смертельную и непримиримую ненависть к своим соотечественникам» [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179]. Автор также подчеркивает, что янычарами зачастую становились люди незнатного происхожде-

¹ Неясно также их этническое и социальное происхождение. Можно предположить лишь, что эти «янычары» были христианами – на это косвенно указывает то, что, страдая от нужды, они в гнев обратились к митрополиту Эфесскому, упрекая того, что он препятствует объединению церковей [Сильвестр Сиропул, 2010, с. 221; Shukurov, 2016, p. 336].

² Мустафа был одним из сыновей султана Баязида I и участвовал в междоусобной войне 1402–1413 гг. за османский престол. Исследователи полагают, что во внутридинастических распрях участвовал самозванец, а настоящий шехзаде попал в плен к эмиру Тимуру после поражения турок у Анкары в 1402 г., и его дальнейшая судьба неизвестна [Kastritsis, 2007, p. 2–3; Necipoğlu, 2009, p. 34–35].

ния: «Кем же были получатели всех этих милостей? Козопасы, свинопасы, овчары, скотники, дети крестьян и конюхов» [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179]. Свидетельство Дуки показывает, что сельскохозяйственное население, первое страдающее от завоеваний, было основным источником новобранцев в янычарские отряды. Таким образом, христианским мальчикам, не имеющим достойных перспектив, служба в султанском янычарском войске давала возможность обрести высокий статус вместе с различными привилегиями, что обеспечивало их исключительную преданность султану. По словам Дуки, именно поэтому «слава, доставшаяся им благодаря случаю, не кружит им голову; во время битвы они готовы терпеть нечеловеческие страдания, а потому одерживают победы» [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179].

Янычары сопровождали османских султанов во всех военных кампаниях, были его личной гвардией и авангардом турецкого войска. Именно янычары участвовали во всех осадах и сражениях [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 50, 254, 384; vol. II, p. 118, 124], осуществили решающий штурм Фессалоники в 1430 г. [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. I, p. 390] и Константинополя в 1453 г. [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 194] Историк Критовул подчеркивает, что янычарский корпус играл огромную роль в военных успехах султана: «василевс (Мехмед II – *Н.Ж.*) увеличил плату своим войскам, в особенности же “новым воинам”, которые являлись его личной гвардией, обычно именуемой на их языке “янычары”, то есть, “новое войско”, поскольку осознавал их важность для защиты как его самого, так и всего царства» [Critobuli Imbriotae Historiae, 1983, S. 18. 2–5].

В битве при Варне 1444 г. авангард войска султана Мурада II состоял исключительно из янычар, сам же султан окружил себя янычарским отрядом, которые использовали вместо коней верблюдов [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 84]. Роль янычарского корпуса в этом сражении трудно переоценить: по словам Халкокондила, польский и венгерский король Владислав бросился в стан врага и был обезглавлен именно янычарами [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 94]. Согласно сообщению Параспондила Зотикоса, «янычар роду ромейского, Хамузой¹ именуемый, богатырь и красавец», сумел победить короля Владислава, в то время как все остальные турецкие воины были повержены или страдали от ран [Παρασπόνδυλος Ζωτικός, 1874, p. 362. 405–414].

Зотикос отмечал, что янычары имели более высокий статус по сравнению с другими воинскими подразделениями. В речи султана Мурада II, адресованной своим ближайшим соратникам, янычары упомянуты в одном ряду с самыми доверенными лицами султана: «дети мои, мои воины и соратники, родичи, янычары мои и военачальники, моя верная опора и неприступная крепость!» [Παρασπόνδυλος Ζωτικός, 1874, p. 357. 291–293]. С такой же горячностью, по словам Халкокондила, Мехмед II взывал к своим воинам перед стенами Константинополя: «Янычары, мои доблестные сыновья! Всегда вы проявляли себя самым превосходным образом, чего бы я ни задумывал» [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 188]. Историк Дука в похожем ключе характеризует отношение султана к своим янычарам: «Он позволял им быть его сотрапезниками, горячо любил их так, как только отец может любить своих детей» [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179].

Так, византийские авторы единодушно отмечают почти отеческую привязанность и личный характер взаимоотношений султана и его верных янычар. Последние же, по мнению Дуки, отвечали своему господину взаимностью: «[Султан] осыпал [янычар] всяческими подарками, раздавал титулы, снабжал продовольствием и даровал всякого рода ценности. <...> В благодарность за такое великодушие они, не задумываясь, пожертвуют жизнью ради своего господина» [Ducae Historia Turcobyzantina, 1958, p. 179].

Таким образом, турецкие янычары являлись не только мощной политической и военной силой, но и ближайшими соратниками, преданными и верными телохранителями османского султана. Будучи, главным образом, выходцами из простых христианских се-

¹ В повествовании Халкокондила фигурирует янычар по имени Фируз [Laonikos Chalkokondyles, 2014, vol. II, p. 94].

мей, благодаря своему господину, они обретали статус и уважение как в мусульманском обществе, так и в восприятии завоеванного населения.

Безусловно, янычары являлись главной опорой власти османских правителей. Византийские источники наглядно показывают эту тесную связь между самим институтом султанской власти в Османском государстве и янычарским корпусом: «поданный легко присягает на верность то одному правителю, то другому – лишь бы оба они – и отец, и сын – были потомками рода Османа. То же самое можно сказать об этих рабах, чью историю я изложил. Они придерживались лишь одного принципа: новый правитель должен быть потомком Османа. Янычары видели в османских султанах своих покровителей, последние же обращались с ними как с вольноотпущенниками» [Ducan Historia Turcobyzantina, 1958, p. 181].

Сообщения греческих авторов второй половины XV в., чьи сочинения созданы после завоевания Византии в 1453 г., содержат точные и скрупулезные сведения о янычарском корпусе и системе девширме. В упомянутом ранее тексте Исидора Главы янычары представляют собой угрозу, довлеющую над христианскими ценностями, неизбежное зло. В поздних же византийских произведениях эти акценты смещаются, сводятся к анализу устройства янычарского корпуса и оценке роли янычар в военных успехах османских правителей, что говорит о трансформации взглядов византийцев в восприятии турок и их обычаев. Внимание греческих авторов к янычарам и их необычайная осведомленность по данному вопросу обусловлены, вероятно, близким знакомством писателей с турецкой военной практикой, которая показывала, что не имеющие тюркского происхождения янычары были надежным оплотом власти османских правителей.

Список литературы

References

1. Куш Т.В. 2015. Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города. Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 4 (145): 105–115.

Kushch T.V. 2015. Turki pod stenami Konstantinopolja (1422): obraz vruga v vosprijatii zaschitnikov goroda. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitamye nauki. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 4 (145): 105–115. (in Russian)

2. Медведев И.П. 1973. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., Наука, 312.

Medvedev I.P. 1973. Mistra. Ocherki istorii i kul'tury pozdnevizantijskogo goroda. L., Nauka, 312. (in Russian)

3. Сильвестр Сиропул. 2010. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439): В 12 частях / Пер. с греч. А. Занемонца. СПб., Издательство Олега Абышко, 284.

Sil'vestr Siropul. 2010. Vospominanija o Ferraro-Florentijskom sobore (1438–1439): V 12 chastjah / Per. s grech. A. Zanemonca. SPb., Izdatel'stvo Olega Abyshko, 284. (in Russian)

4. Λαούρδας Β. 1953. Ἰσιδώρου Ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης ὁμιλία περὶ τῆς ἀπαγῆς τῶν παιδῶν καὶ περὶ τῆς μελλούσης κρίσεως. In: Προσφορά εἰς Στίλωνα Π. Κυριακίδην: Ἐπὶ τῇ Εἰκοσιπενταετηρίδι τῆς Καθηγεσίας Αὐτοῦ (1926–1951). Θεσσαλονίκη: 389–398.

Laurdas B. 1953. Isidoris of the Archbishop of Thessaloniki speech about the disappearance of the children and the consequences of the crisis. In: Contribution to Stylon P. Kyriakidis: On the 25th Year of His Eucharist (1926–1951). Thessaloniki: 389–398 (in Greek).

5. Παρασπόνδυλος Ζωτικός. 1874. Ἡ ἐν Βάρναι Μάχη. In: Legrand É. La bataille de Varna par Paraspondylos Zotikos, témoin oculaire, poème grec publié pour la première fois. Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France. Vol. 8: 333–372.

Paraspondylos Zotikos. 1874. I en Varne Machi [Varnie Battle]. In: Legrand É. La bataille de Varna par Paraspondylos Zotikos, témoin oculaire, poème grec publié pour la première fois. Annuaire de l'Association pour l'Encouragement des Études Grecques en France. Vol. 8: 333–372.

6. Babinger F. 1978. Mehmed the Conqueror and His Time / Transl. by R. Manheim. Princeton, Princeton University Press.

7. Critobuli Imbriotaе Historiae / ed. D.R. Reinsch / Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. XXII. Berlin, Walter de Gruyter, 1983.

8. Dennis G. T. 2003. *The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike*. *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 57: 255–264.
9. *Ducæ Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958.
10. Giovanni Cananos. 1977. *L'assedo di Constantinopoli / introduzione, testo critico, traduzione, note e lessico a cura di E. Pinto*. Messina, EDAS.
11. Inalcik H. 1973. *The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600 / Transl. by N. Itzkowitz and C. Imber*. New York; Washington, Praeger Publishers.
12. Kaldellis A. 2014. *A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West*. Washington, Harvard University Press.
13. Kastritsis D.J. 2007. *The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413*. Leiden; Boston, Brill.
14. Laonikos Chalkokondyles. 2014. *The Histories / Transl. by A. Kaldellis*. Cambridge, London: Harvard University Press. Vol. I, II.
15. Ménage V.L. 1966. Some Notes on the «Devshirme». *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 29 (1): 64–78.
16. Moravcsik G. 1983. *Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker*. Leiden, E.J. Brill. Bd. II.
17. Necipoğlu N. 2009. *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Nicoloudis N. 1996. *Laonikos Chalkokondyles: A Translation and Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I–III)*. Athens, Historical Publications St. D. Basilopoulos.
19. Palmer J.A.B. 1953. The Origin of the Janissaries. *Bulletin of the John Rylands Library*. Vol. 35 (2): 448–481.
20. Repp R.C. 1968. Notes and Communications. A Further Note on the Devshirme. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 31 (1): 137–139.
21. Shukurov R. 2016. *Byzantine Turks, 1204–1461*. Leiden, Boston: Brill.
22. *The Encyclopedia of Islam. New Edition / ed. by H. A.R. Gibb, J.H. Kramers, E. Lévi-Provençal, J. Schacht*. Leiden: E.J. Brill, 1986. Vol. 1.
23. Uyar M., Erickson E.J. 2009. *A Military History of the Ottomans. From Osman to Ataturk*. Santa Barbara, Denver, Colorado, ABC-CLIO.
24. Vacalopoulos A.E. 1972. *A History of Thessaloniki / Transl. by T.F. Carney*. Thessaloniki, Institute for Balkan Studies.
25. Vryonis S. 1956. Isidore Glabas and the Turkish Devshirme. *Speculum*. Vol. 31 (3): 433–443.
26. Vryonis S. 1965. Seljuk Gulams and the Ottoman Devshirmes. *Der Islam*. Bd. XLI: 224–252.
27. Wittek P. 1955. Devshirme and Shari'a. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 17 (2): 271–278.
28. Zachariadu E. 1982. Les «Janissaires» de l'Empereur Byzantin. In: *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dedicata (Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici)*. Series Minor XIX. Naples: 591–597.